

Быть родителем для родителей: формирование представлений о правилах и ограничениях в работе с семьей

Даньшина Наталья Александровна

- Психолог,
- психоаналитик,
- тренинговый аналитик ЕАРПП,
- председатель Комитета по развитию регионов

В отсутствии правил
и ограничений не формируется
адекватное восприятие
реальности.

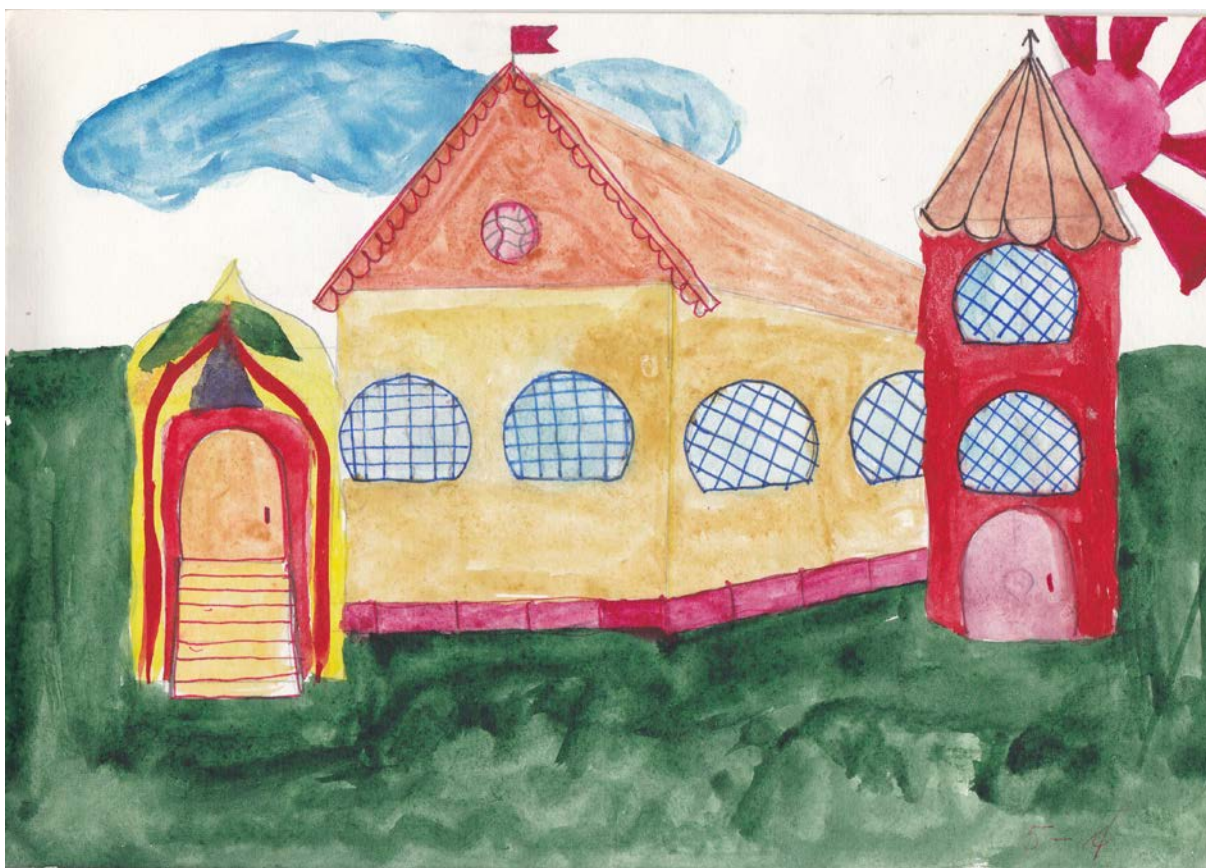
Наблюдая за социальным контекстом, в котором реализуется современное родительство, как практикующий детский аналитик я делаю вывод об ощутимой уязвимости и противоречивости позиции родителей сегодня, особенно в аспекте формирования правил и ограничений. Такое положение вещей очень распространено и ставит перед профессионалами новые задачи в осмыслении теории и поиске инструментов для реализации в практике, применительно к настоящему моменту. Кризисный фон требует мобилизации мысли и формирования адекватного отклика на запрос со стороны пациентов, в частности в сфере детско-родительских отношений.

Правила и ограничения вводят в жизнь человека принцип реальности, в то время как безусловное удовлетворение всех желаний – отголосок принципа удовольствия и часть инфантильной жизни.

В отсутствии правил и ограничений не формируется адекватное восприятие реальности. Фрустрация, возникающая вследствие реализации закона отца, – естественная реакция на запреты у невротика, дикаря и ребенка. Фрустрационная толерантность – это показатель нормальной адаптивности и условие роста, поскольку она отражает некую готовность принимать запрет взамен на преимущества, которые дает взросление (культура). Отто Фенихель писал об оценивании реальности и терпении к напряжению как о двух необходимых аспектах одной способности, составляющей базис самостоятельности ребенка [4].

Фрустрацию, как и прикорм, необходимо своевременно и последовательно вводить для нормального роста и развития ребёнка. На каждом этапе его взросления она обеспечивает развитие новых внутриспсихических конструкций, которые становятся несущими опорами для последовательного благополучного прохождения кризисов роста. В воображении рисуется картина лестницы, каждая ступень которой состоит из кирпичиков – усвоенных ребенком правил. Восхождение по лестнице тем свободнее и приятнее, чем ровнее и крепче ступени.

Вместе с тем, защищаясь, психика находит множество возможностей для избегания невыносимых переживаний, связанных, в том числе, с естественными ограничениями. А это, в свою очередь, порождает в обществе условия для легализации и подтверждения нарциссической грандиозности, сильнейшей поляризации (расщепления), подмены и смешения понятий, связанных, в частности, с границами и процессом их

формирования. Таким образом, родитель оказывается между молотом и наковальней, испытывая давление изнутри (особенности психической структуры, травмы, собственные защиты и т.д.) и снаружи (современная культура, социальные нормы и др.).

Испытывать сомнения и неуверенность на этапе освоения любой роли, в том числе родительской, нормально и естественно и, вместе с тем, непросто – необходимы зрелость и ресурс в виде прочной идентичности, удовлетворительных отношений с партнером, опыта принятия, поддержки, признания, совместности. Родительство всегда актуализирует собственные травмы развития. Психика обрабатывает их навязчивым повторением или избеганием: мы наблюдаем как родители изо всех сил пытаются уйти от моделей воспитания, которые применялись к ним в детстве, или точным образом воспроизводят их – бессознательно, эго-синтонно. Это лишает родительство творческого начала, терпеливой и заинтересованной включенности, чуткого отклика на потребности ребенка, способности видеть и воспринимать его как отдельного Другого, временно зависимого и хрупкого субъекта отношений. Таким образом, внутренних сил для реализации достаточно хорошего родительства оказывается недостаточно.

С другой стороны, зачастую само общество ведет себя в отношении родителей как нарциссичная мать: предъявляет грандиозные требования и отказывает в истин-

Родительство всегда актуализирует собственные травмы развития. Психика обрабатывает их навязчивым повторением или избеганием.

ной поддержке. Отражение этих внешних процессов мы можем наблюдать, например, в современных явлениях и тенденциях в области медицины и образования.

Высочайшие достижения медицины, с одной стороны, преодолевают невозможное, а с другой, отражают такую проблему современных взрослых людей как диффузная идентичность, в том числе полоролевая. До внедрения в жизнь

научно-технического прогресса в виде ЭКО, суррогатного материнства, вопрос репродуктивных трудностей решался парой. В большей степени за счет психического ресурса мужчины и женщины. Ребенка «вымаливали», тем самым признавая собственные ограничения, учились смирению, то есть пассивности, как аспекту женственности. Всё это предоставляло место гореванию и совместности супругов, времени для прохождения всех стадий принятия (отрицание, гнев, торг и депрессия и др.) было достаточно; параллельно трансформировались и отношения супругов. Зачатие проживалось как таинство, часть и результат интимности, теперь же – это действие, в которое включено тело женщины для практического решения вопроса, и то, что мешало паре зачать, останется в дальнейшем между мамой и малышом, создаст почву для того, чтобы ребенок функционировал как подтверждение материнской, женской состоятельности. Роль мужчины в процессе автоматически сводится к донорству материала (спермы и, возможно, денег) и может быть совсем деперсонализирована. Сроки, которые необходимы для медицинского направления на ЭКО, сокращаются и не вмещают в себя возможности психической обработки проблемы. Ребенок рождается носителем и воплощением нарциссической грандиозности, что требует от родителей дальнейшего «соответствия».

Зачастую само общество ведет себя в отношении родителей как нарциссичная мать: предъявляет грандиозные требования и отказывает в истинной поддержке.

Полагаю, что прочно сформированная половая идентичность и сила эго родителей могли бы здесь определить иной ход событий, но их недостаток растет с развитием научно-технического прогресса, возможно, являясь его ценой.

В обществе мы можем наблюдать одновременно как детоцентрированность, так и отказ от родительства («чайлдфри» - идеология, набирающая обороты).

Решение об отказе от родительства перестает быть частным и выходит в поле публичной дискуссии.

В случае детоцентрированности весь ритм семьи подстраивается под режим ребенка. При этом с ребенком не играют – играют в него. Внимание смещается с отношения на функционирование и проникает во все сферы жизни матери и ребенка. Я думаю, что тенденция форсированного развития, интеллектуальной перестимуляции, о вреде которой много сейчас пишут наши смежники, проистекает из непонимания как взаимодействовать с Другим. Более понятным становится процесс функционирования – ребенка можно лечить или учить. Тогда и функцией ребенка становится постоянное подтверждение матери ее «хорошести». Мы можем наблюдать смещение акцента с отношений на действия: мать следует некоему внешнему ориентиру вместо ориентира внутреннего, как следствие – имитация взаимодействия в сферах вскармливания, развития, лечения и образования ребёнка. На смену здравому смыслу приходит миф об идеальной матери (идеально функционирующей). Этот миф замещает собой представление о зрелой женской идентичности, которая подразумевает наличие способности понимать себя, способности к построению объектных отношений и к чуткости в отношениях с довербальным малышом в самом широком смысле.

Параллельно и в общественном сознании происходит подмена понятий и укрепляются иллюзии. Так, например, триада «школа (детский сад – учебное образовательное учреждение) – родители – ребенок» заменяется на частные образовательные учреждения, где традиционной директивности (консерватизму) и ригидности противопоставляются лояльность и отсутствие границ. В то же время и массовая школа вбивает клин между ребенком и родителями: перегруженные требованиями современных стандартов образования, родители вынуждены быть сосредоточенными на приведении ребенка в соответствие к требованиям школы, вместо терпеливого поиска исследования индивидуальных способностей ребенка\школьника, на которых он будет строить свою идентичность. Так, при провозглашении терпимости

В обществе мы можем наблюдать одновременно как детоцентрированность, так и отказ от родительства.

Решение об отказе
от родительства перестает
быть частным и выходит в поле
публичной дискуссии.

разовательных учреждениях на фоне одновременного заигрывания и эксплуатации родительских тревог формируются условия для продления возраста беспомощного детства, не создаются условия для сепарации и социализации детей. Например, форсированное раннее интеллектуальное развитие, наличие камер наблюдения в детских садах, индивидуальный график посещения заведения затрудняют взросление. И, вместе с тем, по-прежнему (или с новой силой?) повсеместно путаются/смешиваются понятия насилия и ограничения\запрета, наказания и принятия последствий действий, вины и ответственности. Можно констатировать отсутствие в системе образования адекватной взрослой власти и закона отца. Хочется верить, что это – динамическое отражение происходящих макропроцессов, а не конечный результат, но тем не менее...

Мы можем видеть стимуляцию деторождения со стороны государства, например, в виде профилактики аборт, предоставлении единовременных выплат по рождению ребенка, льгот молодым семьям в приобретении жилья и т.п., с одной стороны, и одновременно с этим наблюдать отсутствие институтов сопровождения материнства и детства, как и социальных мер, укрепляющих и поддерживающих родительство. Я имею в виду формирование в культуре не только формальных норм юридической ответственности за ребенка обоих родителей, но и фактического воплощения данной концепции, например, обязательного отпуска по уходу за ребенком для отца. Существующее в настоящее время положение вещей в сфере отношения к семьям с детьми отражает общую культуру и уровень воспитанности чувств (эмпатии, зрелости, ответственности).

Несмотря на доступность психологической помощи для родителей (госучреждения, частнопрактикующие специалисты, множество разнообразных предложений решения психологических проблем), по-прежнему сохраняется низкий уровень психологической культуры, что влияет и на качество предлагаемой помощи. Обращение к специалисту и выбор его происходит примерно так же, как и йогурта в супермаркете – все равно непонятно, чем они отличаются, кроме упаковки, и, если не понравится, можно поменять.

Подобный уход в область социального позволил мне продемонстрировать мысль Н. Мак-Вильямс о том, что «нарциссические заботы распространены повсеместно и легко могут быть вызваны ситуацией» [3, с. 217]. Описанные социальные тенденции иллюстрируют то пространство, в котором размещается современное родительство – оно определяет родительскую уязвимость, нарциссизирует детско-родительское взаимодействие и, вместе с тем, дает нам практические подсказки.

Для продолжения рассуждений на заданную тему вернемся в знакомую нам область психического. Попробуем рассмотреть ограничения, правила, запреты – систему

в обществе, вводится и прививается обратное.

Воспитательная функция, в частности возвращение ответственности чаду, упраздняется из-за ее трудоемкости, или на нее не остается ресурса. Границы ответственности между школой и родителями размыты. В альтернативных об-

отцовского закона, родительской власти, реализуемой в интересах ответственности перед будущим ребенка, их функции.

Фрустрация:

- а) отражает гарантии необходимой безопасности в мире;
- б) способна отразить ребенку изменившийся мир и его новую роль в нем;
- в) способна выступить условием для формирования взрослых навыков.

Базовую потребность в безопасности невозможно реализовать без ограничений: нельзя выбегать на дорогу, засовывать пальцы в розетку, выходить без одежды на улицу и др. Такие действия однозначно должны пресекаться. Без базовой безопасности нет познавательной активности, поскольку безопасность (как форма \ ипостась матери) активизирует привязанность, что позволяет реализовывать интерес к миру.

В условиях спутанности, непоследовательности внешней среды замешательство, напряжение, тревога ребенка растут и отвлекают его силы на совладание с ними.

Требованиям упорядочивания и гарантирования безопасности отвечают, в том числе, такие меры как разделение для ребенка пространства, предназначенного для еды, игры, сна, туалета.

Мы знаем про терапевтический эффект сеттинга. Цикличность, ритм, режим дня также играют для малыша важную роль – они позволяют формироваться представлению о структурировании хаоса через предсказуемость повторений, психическое осмысление и прогнозирование в этих условиях. Повторяя одно и то же, ребёнок приобретает знания, опыт, закрепляются его умения и навыки (эти принципы традиционно применяются в педагогике, в частности, ритм в распорядке дня, недели, года, в подаче учебного материала и т.д.).

Обеспечение родителями границ времени и пространства – это простые правила, ведущие к взрослению ребенка.

Для демонстрации функции отражения меняющейся реальности (посредством фрустрации), на мой взгляд, исчерпывающе подходит аналогия с грудным вскармливанием, которое бесценно в определённых временных рамках, но если оно затягивается, то блокирует формирование у ребёнка последующих навыков и психических конструкций. На соматическом уровне, если ребенок долго сосет вместо того, чтобы откусывать, грызть и жевать, то у него формируется инфантильный прикус, при котором наблюдается недоразвитие верхнего неба, неправильное формирование челюсти, что отражается на многих функциях систем и органов, в частности, искажает артикуляцию и ведет к нарушениям речевого развития.

В определенном возрасте, при известной готовности ребенка, необходимо завершать приятное привычное взаимодействие и переходить к новому, более взрослому, передавая ответственность самому ребенку, тем самым подтверждая и реализуя его

Я думаю, что тенденция
форсированного развития,
интеллектуальной
перестимуляции ...
проистекает из непонимания
как взаимодействовать с Другим.

субъектность. То же касается характера и организации гигиенических процедур, телесного контакта матери с малышом (приятный и полезный в младенчестве контакт матери с ребенком «кожа к коже», возраст лицезрения ребенком обнаженной матери). Эти лишения необходимы и полезны в своё время и требуют родительской готовности сопровождать горевание малыша по утраченному.

Ф. Дольто [2] большое внимание уделяла желаниям малыша как фактору его собственного волеизъявления, самоактуализации, а значит, и самосознания. Социальное взаимодействие – необходимое пространство, в котором малыши могут во всей полноте ощутить столкновения собственных желаний с желаниями других. Ограничение желаний здесь обеспечивает тренинг фрустрационной толерантности и ведет к освоению навыков самоконтроля. Досадно наблюдать как спонтанная игра сверстников все больше заменяется образовательной деятельностью, организованной и рафинированной.

Здесь же следует упомянуть рождение сиблинга, которое меняет жизнь старшего ребенка до неузнаваемости. Изменение объема времени, которое мать может уделять старшему, есть отражение этой новизны в семейной системе. Задача родителей – не нивелировать это изменение, отыгрывая виноватость, а ввести его в реальность старшего ребенка бережно и неотвратно. Обозначение ребенку дивидендов от старшинства вместо заигрывания с инфантильным несогласием, принятие своих достоинств позволяет в итоге перейти от конкуренции к сотрудничеству и перенести этот опыт во взрослую

жизнь. Тогда ограничение ведет к возможности сотрудничества с пришельцем.

Наконец, эдипальный запрет необходим для того, чтобы, вырастая, девочки и мальчики становились, соответственно, женщинами и мужчинами.

Рассуждая о специфическом чувстве вины у женщины Жанин Шагссе-Смергель пишет, что когда мать достаточно фрустрирующая, то появляется необходимость иметь хоть один хороший объект. Если до некоторых пор материн-

ский объект расщеплялся на хороший и плохой, то позднее, благодаря фрустрации со стороны матери, эта линия разделения проходит по другим границам – плохая мать, хороший отец. Происходит переход к более зрелой защите – к проекции. И вся неудовлетворенность, все то, что переживается как плохость, проецируется в мать, а в отцовский объект проецируется все хорошее. То есть, это специфическое чувство вины у женщины появляется именно вследствие идеализации отцовского объекта. Но эта идеализация необходима, буквально жизненно важна для того, чтобы иметь это равновесие, иметь хороший объект [6]. Это иллюстрация того, как фрустрация влияет на то, что объектные отношения (девочки) усложняются, переходят от диады к триаде, а, следовательно, обеспечивают взросление. Так фрустрация отражает изменение.

Мы можем наблюдать смещение акцента с отношений на действия: мать следует некоему внешнему ориентиру вместо ориентира внутреннего, как следствие – имитация взаимодействия.

Массовая школа вбивает клин между ребенком и родителями: перегруженные требованиями современных стандартов образования, родители вынуждены быть сосредоточенными на приведении ребенка в соответствие к требованиям школы, вместо терпеливого поиска\исследования индивидуальных способностей ребенка\школьника, на которых он будет строить свою идентичность.

Но реализация очевидных правил сталкивается с родительской уязвимостью и вызывает конфликт между агрессией и стыдом (виной), когда довольный ребенок необходим для подтверждения родительской «хорошести», тогда как несчастный / недовольный / несогласный / протестующий ребенок означает, что родитель потерпел крах.

В мире потребления, непрерывного развлечения наращивается ценность удовлетворения сиюминутного желания и не уделяется внимание стоящей за этим желанием потребности. Контейнирование, то есть понимание и называние / обозначение ребенку его чувств окультуривает / возвращает их. Так происходит воспитание чувств – динамичный процесс, требующий времени и умений. Запрос на контейнирование (потребность быть понятым) ребенок проявляет, зачастую, повышением тревоги и демонстрирует в нежелательном для родителей поведении.

Мы видим сейчас сильный сдвиг в сторону нарциссизма, который делает огромным, практически непреодолимым (без психотерапевтического сопровождения) зазор между здоровым ощущением уязвимости, то есть естественным переживанием истинной самости и тем, что окружающий мир выдает за норму, то есть тиражирует ложную самость, навязанную обществом потребления.

Когда-то Э. Фромм рассуждал об эксплуатации, отчуждении от собственных чувств, разрыве связи с внешней реальностью и подмене реальности собой как характеристиках нарциссического общества [5]. Именно это мы встречаем сейчас в обыденной жизни.

Ранее я упомянула о том, что трудности одновременно подсказывают нам и практический выход. Поэтому здесь я поделюсь мыслями, которые могут сориентировать и выступить в качестве рекомендации внимательному специалисту. Особую гордость для меня представляет тот факт, что их формулировка и концептуализация стала возможной благодаря работе в супервизионных группах, в которых царит атмосфера сотрудничества и творческого обмена¹.

Во-первых, принцип «проще, еще проще». Актуальной терапевтической задачей становится просвещать о том, как устроен мир. Когда мы говорим родителям что-нибудь простое и безыскусное, элементарное с точки зрения нашей многолетней теоретической подготовки. Например, «Ты плохо себя чувствуешь, потому что такова

¹ моя глубокая благодарность одесской супервизионной группе под руководством М. Д. Машовец, в составе которой я имела удовольствие работать с 2020 по 2023 год, а также группе по понедельникам, которую я веду третий год.

реальность – жизнь с ребенком сильно отличается от того, что ты о ней думал, ориентируясь на соцсети. Жаль, что никто не предупредил, что это может быть так сложно». Этими словами мы обращаемся к маленькой уязвленной истинной самости, легализуем и нормализуем «стыдные» переживания неуспеха и высвечиваем грандиозный плюс, нависающий и давящий огромной горой иллюзий.

Во-вторых, сопровождение родительства становится все более актуальной и востребованной формой психотерапевтической работы, в которой наши психоаналитические знания выступают ориентирами и столпами. Следует заметить, что материнские фантазии заставляют ребенка тянуться к завышенным целям, а отказ матери от них разрешает ребенку обнаружить себя настоящего. Понимание и принятие соб-

Воспитательная функция, в частности возвращение ответственности чаду, упраздняется из-за ее трудоемкости, или на нее не остается ресурса.

ственных ограничений дает пространство для трансформации и возможность быть счастливым, исходя из имеющихся данностей. А формирование практических навыков, в конечном счете, ведет к укреплению истинной самости матери.

При подготовке доклада для самарской конференции «Любовь и ненависть: от буквального к символическому», изначально я планировала сосредоточиться на теме введения правил и ограничений в рамках детско-родительских отноше-

ний. Вместе с тем, принцип повторения и отражения онтогенеза в филогенезе позволяет провести параллель во взаимодействии в парах «терапевт-пациент», «начинающий специалист – профессиональное сообщество». Потому позволю себе добавить еще несколько строк в качестве приглашения к дальнейшим размышлениям.

Надо признать, что когда нам нужно озвучивать и поддерживать правила в кабинете – оплата пропущенной сессии, обозначение стоимости услуг, постоянство установленного времени и частоты встреч и т.п., мы испытываем неловкость. Те же самые сложности возникают при осуществлении конфронтационной техники в работе, мы зачастую испытываем трудности в подборе и формулировании интервенций. Нам легче, особенно в начале пути, или (высококолобо) исследовать бессознательное, связывая детский опыт с настоящими переживаниями, или закармливать поддержкой, похвалой, рискуя раскормить ложную самость пациента, нещадно эксплуатируя свои депрессивный и мазохистический радикалы. Между тем, применение конфронтации и уточнений работает как способ введения реальности, служащий перилами и удерживающий в равновесии психотерапевтический процесс в части формирования эмоционально корректирующего опыта. Отказ от представлений / фантазий о пациенте, принятие ограничений, его и своих, позволяет проявляться творчеству и обогащает опыт.

Этот же вертекс позволяет думать и о методах подготовки начинающих специалистов. Огромное количество питающих и удовлетворяющих мероприятий для начинающих – бесплатных и разнообразных, безусловно, отражает заботливый вклад организации в становление профессионала. Но возникает вопрос: когда наступает момент,

в котором сообщество перестает давать, удовлетворять и напитывать, а начинает брать и запрашивать результат, ответ, плодотворность – например, расширение практики и повышение материального благосостояния как показателей профессионального взросления и самостоятельности? По аналогии с закономерностями формирования зрелого человека, важным для формирования профессионала представляется не пропустить момент, когда следует «переходить на твердую пищу» – вводить требования и взрослые правила.

Подводя итог, отмечу, что описанные в статье социальные тенденции требуют нашего профессионального внимания и отклика в практике. Нарциссическое общество «растворяет» идентичность, поэтому становятся особо важными ориентиры в виде правил и закон в самом широком смысле. В конечном итоге, понимание и реализация этих ориентиров самим аналитиком позволяет поддерживать взросление его пациентов (родителей).

Мне видится очень перспективным расширение практики отечественных детских психоаналитиков в сторону сопровождения родительства на разных его стадиях, начиная с планирования беременности. Этот инструмент требует гибкости и вдумчивости, крепкой профессиональной идентичности и творческого осмысления. Такое сопровождение отличается от психотерапии продолжительностью, фокусом, целями. Оно является чутким откликом терапевта на актуальную потребность пациента (семьи) и отвечает целям укрепления родительской позиции через формирование реальных навыков, основываясь на психоаналитической теории развития. Однако, ввиду необходимости более развёрнутого описания задач и структуры такого вида профессиональной деятельности детского аналитика, эта тема будет рассмотрена подробнее в последующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. Пер. с нем. – М.: Когито-Центр, 2012. – 316 с.
2. Дольто Ф. На стороне ребенка. – СПб.: Петербург – XXI век, 1997. – 527 с.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 292 с.
4. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. – М.: Академический проект, 2015. – 620 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс. Универс, 1995. – 251 с.
6. Шассге-Смиржель Ж. Женское чувство вины [Электронный ресурс]: <https://psychoanalysis.by>. – (дата обращения 01.06.2023г.).

